

После того случая он стал казаться ещё глупее. Сун Цзыюй, у которого в кои-то веки проснулась совесть, помог ему устроиться на работу. Сам же Сун был натуралом, и произошедшее тогда стало для него лишь мимолётным увлечением. Он привык легко отпускать людей, ведь рано или поздно приходится с кем-то расставаться. Если отбросить угрызения совести, то паренёк был хорош собой, с тонкими чертами лица, и воспоминания о нём оставались весьма приятными.

Жаль только этого простака: он, небось, даже руки красивой девушке ни разу не держал. В последние дни он вёл себя странно, при переодевании вечно прятался за ширму. Хотелось бы надеяться, что после случившегося у него не останется никаких душевных травм.

Вопрос с работой был решён, и они неплохо поужинали, чтобы отметить это событие. Учитель Сун потушил свиные ножки, и Ци Муцин ел так, что губы блестели от жира. Едва забрезжил рассвет, Ци Муцин на цыпочках поднялся с кровати. Он бережно надел свою белую рубашку — такой хорошей одежды у него никогда раньше не было.

Хотя учитель Сун помог ему устроиться в начальную школу и обещанная зарплата была весьма приличной, для лечения ноги этих денег всё равно не хватало. Пока школа ещё не открылась, он хотел найти какой-нибудь способ подзаработать.

К сожалению, всё утро Ци Муцин проходил зря, вернувшись ни с чем, как и прежде: вакансий мало, а желающих — хоть отбавляй. Ци Муцин приуныл. Утренний рынок уже почти сворачивался, и он на последние тридцать копеек купил вялого, полуживого карасика, чтобы сварить учителю Суну суп.

В городском парке с самого утра было прохладно. Там гуляло много детей, повсюду продавали сахарную вату, солодовый сахар, леденцы на палочке и игрушки вроде бамбуковых стрекоз.

Ци Муцин посмотрел на ярко-красные леденцы, и во рту стало кисло.

— Дяденька, по чём леденцы? — спросил он.

— Пять копеек штука. Возьмёшь парочку? — старик, торговавший сладостями, тут же оживился и покрутил свой соломенный пучок, в который были воткнуты леденцы.

— А леденцы хорошо покупают? — поинтересовался Ци Муцин.

— Да пойдёт. У меня рука набита, в нашем городке все знают мои леденцы — сладкие и крупные. Но видишь ли, все, кто здесь торгует — люди старые, у них свои постоянные клиенты. Новичку тут вряд ли что светит, — старик улыбнулся и помахал рукой проходящим мимо детям.

Ци Муцин почувствовал себя неловко под взглядом старика и отбросил свою затею. Он не умел делать сладости, да и знал, что язык у него не подвешен — зазывать покупателей он просто не сможет, а его жильё слишком тесное для такого дела.

Ци Муцин, и без того расстроенный с самого утра, теперь окончательно пал духом. Впрочем, в северо-восточном углу парка, под большим деревом тун, столпились люди. Он тоже протиснулся в толпу и увидел, что какой-то человек установил мольберт и рисует портрет маленького ребёнка. Ци Муцин, всё ещё сжимая в руках рыбу, встал за спиной художника.

Глаза нарисованы плохо, слишком шаблонно, лицо недостаточно округлое, пропорции носа и глаз нарушены, оттого и сходства нет. Да и с тенями он совсем не дружит.

Он стоял за спиной мастера и наблюдал, как тот закончил рисунок и протянул его ребёнку. Малыш радостно вскрикнул, бросил две монетки в картонную коробку и вприпрыжку убежал.

Когда Ци Муцин огляделся, остальные зеваки уже разошлись, и он остался один.

— Хочешь портрет? Сделаю скидку, за гривенник, — предложил молодой художник, заметив, что Ци Муцин всё ещё стоит на месте.

— Ты рисуешь плохо. Базовых навыков не хватает, наблюдательности нет, композиция и штрихи — сплошной хаос, со светотенью тоже беда. Поэтому и результат не похож на оригинал, — Ци Муцин присел на корточки и нахмурился.

— Да я так, любитель, подрабатываю на карманные расходы. К тому же я всё равно собирался сворачиваться, выручки едва хватает на бумагу и краски, — парень, видимо, приняв профессиональную критику за чистую монету, смутился.

— Так нельзя. Говорят же, рисунок — это отражение души человека. Если уж взялся за дело, должен выкладываться по максимуму, — Ци Муцин в душе был крайне не согласен с таким небрежным отношением к искусству.

— Ха-ха, ну ты даёшь! Тон у тебя точь-в-точь как у моего деда. Мне до вас, художников, как до луны, так что не буду позориться. Я вообще-то математик, в детстве меня заставляли рисовать, но таланта ноль. Просто на каникулах стало скучно, вот и вытащил мольберт.

Ци Муцин увидел, что парень замялся, и сам почувствовал неловкость:

— Я просто сказал, что думаю. А у тебя, кажется, неплохо получается зарабатывать? — он рассеянно посмотрел на кучку мелочи в картонной коробке.

Парень заметил, как тот задумчиво разглядывает деньги, а потом перевёл взгляд на его добротную, но старомодную, добела застиранную чёрную обувь. Глаза у него загорелись:

— Ещё как получается! Как раз скоро в университет, больше сюда не приду. Забирай моё место, я всё уже присмотрел, — он указал на кирпичи рядом. — Давай так: у меня тут ещё остались бумага, кисти и краски, отдашь два юаня — и всё твоё. Вещи-то хорошие!

Ци Муцин, который только что пришёл в себя и понял, что вёл себя как безумный — ведь он совсем не умел рисовать, — хотел было отказаться:

— Мне пора домой, рыбу варить.

— Да погоди ты! — парень схватил его за рукав. — Вижу, ты человек знающий. Давай так: отдавай мне карася, а я тебе весь свой скарб. Ты в большом выигрыше останешься!

Он всучил мольберт в руки Ци Муцину.

— И это забирай, семейная реликвия. Верь мне, оно того стоит. Поначалу, может, никто и не подойдёт — люди тут пугливые, но посидишь месяц, и отбою от клиентов не будет.

Ци Муцин только и успел, что посмотреть, как парень, ловко подхватив табуретку и его карася, пронёсся мимо, словно порыв ветра.

— Эй, обязательно продержишься месяц! — крикнул парень, уже отойдя на десяток метров. Он поднял коробку с деньгами, весело свистнул и зашагал прочь.

— Спасибо тебе! — громко крикнул Ци Муцин.

Парень, не оборачиваясь, махнул рукой. Он был в отличном настроении: правду говорят, что такие простаки, которые так нравятся учителям и старшим, самые доверчивые. Деда давно нет, а домашние всё равно не умеют пользоваться красками — всё равно бы выбросили. Бумаги осталось всего ничего, грошовое дело, зато теперь будет суп из карася.

Пусть этот дурачок посидит там месяц под солнцем и ветром, тогда и поймёт, что критиковать других — не мешки ворочать. Пусть это будет ему маленьким уроком. Если бы рисованием можно было заработать, его дед не прожил бы всю жизнь в нищете.

И, конечно, он не скажет этому недотёпе, что сам подкладывал монетки в коробку, чтобы заманить клиентов. За десять дней он продал всего три рисунка, включая сегодняшний, заработав сорок одну копейку.

А вот благодарность Ци Муцина была искренней. Он встречал на своём пути много добрых людей: сначала учитель Сун, а теперь и этот парень. Краски и бумага стоили дорого, и хотя парень сказал, что всё равно уезжает учиться, Ци Муцин всё равно чувствовал, что совершил очень выгодную сделку.

Только вот теперь, глядя на разложенные на земле краски и кисти, он растерялся. Парень поступил по-доброму, фактически подарил ему всё это, да и дело выглядело прибыльным, но ведь он совсем не умел рисовать!

Подул ветер, подняв пыль. Пора было возвращаться к обеду. В парке люди потянулись к выходам. Потеряв рыбу, но получив ценные и непонятные ему инструменты, Ци Муцин сдвинул кирпичи и уныло сел на них.

Он не понимал, что на него нашло. Разве он не знал, на что способен? Но стоило увидеть, как кто-то рисует, ноги словно приросли к земле.

Ци Муцин спрятал лицо в ладонях. После стольких безуспешных попыток найти работу нахлынуло отчаяние. Может, родители были правы, и он ни на что не годен? Он чувствовал себя пиявкой, которая высасывает кровь из учителя Суна.

Он хотел отплатить ему добром, не быть неблагодарным подлецом, но на деле всё выходило по-старому: ест за его счёт, живёт за его счёт, занимает его место... Мысли путались.

Шелест бумаги на ветру заставил его поднять голову. Он посмотрел на лежащий рядом мольберт, на карандаш. Медленно протянул руку, в нерешительности отдёрнул, но всё же решился и взял инструмент.

Словно с этого момента всё стало проще. Когда он коснулся кончиком карандаша бумаги, он вдруг понял, куда и как нужно наносить линии.

Первый штрих вышел неловким, рука дрогнула. Но на втором, третьем стало легче. Даже если выходило не совсем гладко, рука двигалась уверенно, будто он всегда знал, что и как нужно рисовать.

Когда он поставил последнюю точку, Ци Муцин остолбенел: он закончил. Он нарисовал портрет того самого ребёнка. Пусть вышло не идеально, но сходство было процентов на восемьдесят. Глядя на озорную улыбку малыша, он подумал, что у него вышло даже лучше, чем у того парня, и густо покраснел от этой мысли.

— Ну ты даёшь! Совсем стыд потерял? Обманиваешь детей ради денег! — полная тётка в пёстром халате, сердито таща за собой ребёнка, швырнула лист бумаги прямо в лицо Ци Муцину.

Это вывело его из оцепенения.

— Бабушка, это мой портрет, отдай! — ребёнок упирался, пытаясь вырвать бумагу из рук старухи.

— Замолчи, непутёвый! За эти деньги можно было яйцо купить, а ты тратишься на бесполезную бумажку. Мать твоя — транжира, одни убытки от вас, — продолжала кричать тётка.

Ци Муцин в деревне таких старух навидался, поэтому поспешно вскочил:

— Я не продавал, а яйцо стоит три копейки.

— Ещё и спорит! Кто же тогда, если не ты? Не пытайся меня обмануть, бесовестный, детей обираешь! Верни деньги! — старуха разошлась не на шутку.

— Не надо, мне нравится этот рисунок! Бабушка, отпусти! — малыш заплакал.

Прохожие, услышав шум, начали собираться вокруг.

— Мам, хватит, пойдём обедать. Что ты устроила? Пойдём, — к ним подросла пара — видимо, сын с невесткой — и, извиняясь, потащили старуху прочь.

Её брань ещё долго разносилась по парку.

— Ну всё, всё, не плачь, пойдём домой, — женщина осталась, присела на корточки и принялась утешать ребёнка.

— Вот именно, малыш, иди обедать, — прохожие, поняв, что самое интересное закончилось, принялись успокаивать мальчика.

— Мам, бабушка порвала мой портрет, я её не люблю. Пусть дядя нарисует ещё один, а я его спрячу, — всхлипывал ребёнок.

— Ого, парень, а ты неплохо рисуешь! — кто-то из толпы заметил рисунок на мольберте.

— И правда, похоже. Вон и ямочки на щеках видны, сразу видно — озорник.

— Рисует отлично. Пятьдесят копеек — это, конечно, дороговато, но всяко дешевле, чем фото в ателье, там за снимок целый юань просят, — рассуждали люди.

— Мам, я хочу рисунок!

Женщина посмотрела на Ци Муцина, на надпись мелом на асфальте — пятьдесят копеек за портрет — и, взглянув на сияющее лицо сына, решилась. Она достала монету:

— Простите, это бабушка у нас такая вспыльчивая. Рисунок замечательный, сын в восторге. Можно забрать?

Ци Муцин замахал руками:

— Ничего страшного, я... — он хотел сказать, что это не стоит таких денег, но вспомнил, что тот парень просил столько же. Правда, у него в коробке лежало много монет по пять копеек, а с малыша он взял всего одну.

Ци Муцин прикинул:

— Уже поздно, я собирался уходить. Возьму с вас двадцать копеек.

— Эй, и меня нарисуйте! За двадцать копеек! — круглолицая девушка тут же заняла место, одолжила табуретку у дедушки неподалёку и уселась смирно.

Ци Муцин обрадовался. После первого удачного портрета он почувствовал, что и правда наделён талантом.

Он не спешил, внимательно разглядывая девушку: лицо круглое, лет семнадцать-восемнадцать, кожа не самая гладкая, брови густоваты, зато глаза... они словно улыбались сами по себе, глядя на них, невольно хотелось улыбнуться в ответ.

В этот раз он работал сосредоточенно. Весь мир вокруг исчез, остались только бумага, карандаш и эта девушка. Когда он поставил последнюю точку и размял затекшее запястье, сзади раздались жидкие аплодисменты.

Девушка подбежала к нему, взглянула на рисунок и вскрикнула от восторга:

— Как похоже! Какая красота! Вот ваши деньги.

На рисунке была она, но какая-то особенная. Черты лица те же, но взгляд... Художник сумел передать ту самую улыбку в её глазах, и теперь никто не обращал внимания на её пухлые щёки.

— И меня нарисуйте, только сделайте посимпатичнее!

К вечеру Ци Муцин продал шесть рисунков по двадцать копеек, заработав рубль двадцать. Вспомнив о Му Ляньчэне, который ждал его дома, он поспешно собрал вещи, купил на рынке тофу и ещё одного карася и, окрылённый, поспешил домой.

— Такой довольный, небось, случилось что-то хорошее? — Сун Цзыюй, услышав шаги, понял, что это Ци Муцин. Увидев в его руках пакеты, рыбу на верёвке и тофу, он подшутил над ним.

— Да, нашёл способ заработать, — в глазах Ци Муцина светилась радость, какой учитель Сун никогда у него не видел.

— Тогда надо отметить! Не зря ты сегодня такой щедрый. Обедал? У меня там каша осталась, перекуси, — Сун Цзыюй, зная, как Ци Муцин экономит на всём, подвинул ему миску.

— Ешь медленнее, проголодался, наверное? Если задержишься, купи себе чего-нибудь в городе, не пообедем, — Сун Цзыюй положил ему в миску немного солений.

— М-м, — промычал Ци Муцин, не переставая жевать.

— Утрись, — Сун Цзыюй протянул ему салфетку, видя, что тот проглотил кашу в два счёта.

— Я сейчас всё приготовлю. Ты что утром ел? — Ци Муцин взял нарезанные овощи и принялся за готовку.

— То, что вчера осталось, в такую жару долго не хранится, — Сун Цзыюй уже подготовил рыбу для супа.

— Рассказывай, чем занимался? — учитель Сун умел разговорить своего ученика.

— Я встретил доброго человека. Обменял караса на инструменты для рисования. Он сказал, что этим можно заработать, и я правда заработал! Он такой же добрый, как и вы, учитель Сун, — Ци Муцин ловко управлялся с плитой, голос его звучал звонко.

— Повезло тебе. Не знал, что ты умеешь рисовать. Учился где-то? — удивился Сун Цзыюй.

— На уроках рисования в школе, — ответил Ци Муцин, снимая сковороду с огня. Раньше он выполнял только тяжёлую работу, а на кухне возились женщины, но за время жизни у Сун Цзыюя он всему научился.

— На уроках рисования... — Сун Цзыюй промолчал. В их школе рисование вёл учитель математики, и все знали, чего стоят такие уроки. Но раз парню это приносит радость, пусть будет так. Редко увидишь его таким разговорчивым.

— Я благодарен учителю Чжану. Раньше на его уроках я делал другие задания, но он всё равно рассказывал нам основы, даже про наброски говорил. Жаль, тогда я этого не понимал, — Ци Муцин был скромным и не хотел хвастаться талантом, но был искренне благодарен судьбе за те уроки.

После первого дня дело пошло. Пусть клиентов было не так много, но доход стал стабильным — около рубля в день. К началу занятий, спустя полмесяца, он накопил шестнадцать юаней. Зарплата в школе составляла двадцать девять юаней в месяц — неплохая прибавка к учительскому жалованью.

<http://bllate.org/book/21591/2225488>